

ОБРАЗ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Красная Весна, 7 декабря 1965, 14 стр.

Вот уже больше двадцати лет прошло с тех пор, как отгремели залпы нашей батареи и поля, изрытые траншеями, орудийными двориками и блиндажами, заровнялись глубокими бороздами плугов. Но навсегда останется в моей памяти невысокий пригорок, тогда поросший кустарником, а теперь молодой пыльным лесом, около деревни Орлово Московской области. Здесь были огневые позиции нашей батареи, здесь мы впервые встретили врага.

Я человек штатский, и, хотя вся моя жизнь неразрывно связана с искусством, годы, проведенные мною в армии, в период Великой Отечественной войны, сыграли огромную роль в формировании моего сознания, физической и нравственной закалки.

Конечно, то были особые годы, полные тревог и неожиданностей, обостренного чувства ответственности за судьбу своей Родины и особенно понимания своего долга. Но это были и годы, положившие среди нас начало великой фронтовой дружбы. Человек везде и даже на фронте остается человеком, и для него всегда необходимо иметь хоть чуточку личной жизни: кого-то любить, кому-то доверять, знать, что кто-то тебя поймет и поможет тебе в трудную минуту. Короче говоря, чем человеку тяжелей, тем сильнее требуется ему дружеское участие, тем больше нуждается он в поддержке более опытного товарища. Вот таким именно товарищем и был для нас, солдат и сержантов, командир нашей батареи капитан Виктор Вилков.

Случилось так, что в конце лета 1941 года группа артистов Московского театра им. К. С. Станиславского добровольно вступила в ряды действующей армии. Некоторое время мы тесно держались друг друга. Вместе занимались, изучали материальную часть орудий, вживались во фронто-

вую обстановку, отражали атаки врага. Но очень скоро нас разъединили, поручив некоторым самостоятельную командирскую деятельность. Я принял оружие и бойцов — людей незнакомых, с разными биографиями, по-разному развитых. С первого же дня вступления в новую должность мне предстояло воспитывать их, обучать, требовать от них образцового выполнения своих обязанностей. Но своего опыта у меня не было. Да и знаний, что греха таить, подчас не хватало. Само собой возник вопрос: как же быть? И я решил во всем брать пример со своего командира батареи. Он стал для меня, как, впрочем, и для многих других сержантов, живым образцом. А теперь точно могу сказать, что всеми хорошими командирскими качествами, которые я приобрел в те годы, обязан своему дорогому командиру батареи. Он так умел вызвать к себе любовь, симпатию и уважение всей батареи, что его приказ всегда выполнялся с легким сердцем и удовольствием. Я замечал это на себе и на других солдатах и сержантах. И это правильно, ибо успех в боевых действиях, как правило, достигается коллективно. Командир приказывает, подает пример, солдаты выполняют приказ.

Но очень многое, оказывается, зависит от личных качеств командира, как ты, его подчиненный, будешь данный приказ выполнять. Строгая требовательность к себе и к нам, рядовым бойцам и сержантам, сочеталась в Вилкове с исключительной мягкостью и добросердечием.

Как сейчас, помню его звонкий, энергичный голос, отдающий боевые команды во время ночной боевой тревоги. Иногда он смягчался, и тогда среди орудийных залпов слышались шуточные замечания в адрес ка-

кого-нибудь не совсем еще проснувшегося солдата. В ответ бойцы вражались. В такие минуты быстрее вражались маховики прицельных приспособлений, точнее совмещались стрелки приборов, дружнее гремели залпы наших орудий, посылающих снаряды навстречу армадам фашистских стервятников, рвущихся на большую высоту к Москве. Ясно, что не одни мы стерегли в ту пору небо на подступах к столице. Но и наши залпы заставляли гитлеровские самолеты менять курс, поворачивать вспять, а иногда, оставляя в небе черный дымовой шлейф, стремительно падать на землю.

Но не всегда боевая обстановка была напряженной. Выдавались дни и даже недели затишья. Бойцы скучали, занимаясь повседневными делами — маскировкой района, огневых позиций, обслуживанием материальной части. Тогда командира батареи Вилкова еще чаще можно было видеть среди нас. Он проводил с нами занятия, живо и понятно для каждого расшифровывал сводки Информбюро, подбадривал людей, вселял в них веру в победу. И, может быть, оттого, что у нас всегда был высокий боевой дух, в землянках батареи громче, чем в других подразделениях, гремели хоровые песни.

После войны наши пути с командиром батареи разошлись. Хотя первое время мы еще нет-нет да и встречались с ним. Во всяком случае, я знал, что Вилков продолжает свою службу в одной из ленинградских военных академий. Потом я совсем потерял его из виду.

В моем творчестве началась новая пора. Я стал сниматься в кино. У меня появились новые, уже связанные с работой в кинематографе трудно-

сти. И тогда неожиданно для себя я снова, хоть и не совсем обычно, встретился со своим бывшим командиром батареи. Капитан Вилков, как и в былые годы, оказал мне неоценимую товарищескую услугу.

Дело было так: после окончания работы в фильме «Тихий Дон» я был приглашен на съемки двухсерийного фильма «Балтийское небо». В этом фильме я должен был играть роль защитника ленинградского неба летчика майора Лунина: человека с глубоким душевным содержанием, несколько замкнутого, наделенного огромной душевной силой и вниманием к окружающим его людям. В работе над образом этого героя, над воплощением его сложного характера мне и помог мой бывший командир.

Чтобы облегчить стоящую перед собой задачу, мне нужно было найти прототип моего героя, и я безосновательно нашел его в своем бывшем комбате. В те минуты, когда мне было особенно трудно разобраться в том или ином конфликте, в который попадал Лунин, я невольно спрашивал себя: а как бы поступил в этой ситуации мой командир батареи капитан Вилков? И ответ возникал зримо, веско, вселяя уверенность и определенность в мои действия.

Вспоминая, как долго пришлось мне репетировать эпизод, в котором Лунин отчитывает летчика Татаренко за своевольные действия в воздухе, грозя отстранить его от боевых полетов. От меня требовались строгая выскальность и даже горячность в выговоре за проступок молодого летчика. Я так и играл, но чувствовал, что получается что-то не то. Голос мой звучал сухо, черство. И вся сцена от этого выглядела как-то по-канцелярски. Тогда я до мельчайших де-

талей стал припоминать, как в таких случаях отчитывал нас наш комбат. Я даже попытался настроиться на его голос, и сразу сыгранная мною выскальность приобрела именно тот оттенок, которого ей так не хватало. Татаренко был очень хороший летчик, и ругать его следовало любя, с желанием помочь ему разобраться в своей ошибке, уберечь его от повторения ошибок, за которые дорого пришлось бы расплачиваться всей эскадрилье.

Наверное, благодаря выработавшейся в армии привычке досконально изучать технику, с которой имеешь дело, мне и в кино захотелось хотя бы частично освоить материальную часть самолета, на котором я снимался. Посидев раза два в кабине, я научился запускать мотор самолета и даже слегка двигаться по летному полю. Это, правда, всегда вызывало тревогу у военных консультантов: как бы Глебов, увлекшись, не послал ручку газа вперед и не взлетел в воздух. Но я, конечно, до этого дело не доводил. И раскатывался на самолете по аэродрому ровно столько, сколько это было нужно для съемки. Взлеты, виражи, пикирование, воздушные бои и посадки совершали за меня настоящие летчики, великолепные мастера своего дела.

В заключение еще раз хочется сказать: нет, не прошли даром годы армейской жизни. Меня, артиста, они многому научили, во многом обогатили. Этому в первую очередь способствовали мои бывшие командиры. Воспоминаниями об одном из них, Викторе Кузьмиче Вилкове, мне и захотелось поделиться сегодня с молодыми воинами, с читателями газеты.

П. ГЛЕБОВ,
заслуженный артист РСФСР.